

является освободительницей всех малых народов Азии от векового гнета, в котором они жили до сих пор»¹¹³.

Несомненно, что общий интерес руководства большевиков к Азии повлиял также и на их отношение к азиатским национальным меньшинствам, в первую очередь башкирам и казахам. Потому что их судьба должна была послужить для других народов Азии своего рода образцом реализации политики большевиков. Большевики смотрели на Азию, как, собственно, и на остальной мир, чрезвычайно масштабно, в контексте мировой революции. На этом фоне им надо было продемонстрировать свои достижения в проведении национальной политики на своей территории. Это стало одной из важных причин предпринятых Москвой в 1919 году усилий по созданию среди башкир и казахов автономных образований на советских началах.

Победа большевиков и создание Казахской автономии

10 (19) июля 1919 года был образован революционный комитет по управлению Киргизского края (Кирревком). Первым его руководителем стал поляк Станислав Пестковский, в состав ревкома вошли Мухамедьяр Тунганчин, Алиби Джангильдин, Ахмет Байтурсынов, Сейткали Мендешев, Вадим Лукашев. 20 (26) августа 1919 года постановлением ВЦИК РСФСР была образована автономная Казахская советская социалистическая республика. Понятно, что в августе этого года еще сложно было говорить о реальном создании такой автономии, красные еще не контролировали большую часть территории Казахской степи.

Но сам факт принятия такого решения должен был продемонстрировать намерения большевиков в отношении казахского населения, а также самой идеи национальной автономии для казахов. Татьяна Красовицкая писала, что «первые советские национальные автономии и союзные республики создавались во многом для удержания территорий в боях за них и с целью реализовать в них классово-интернационалистскую доктрину... Этнические элиты подчиняли свой пафос борьбе за образование автономных органов управления в советских структурах власти, разработке их полномочий. Перешедшие на службу советской власти представители этнических элит формировали властные автономные структуры преимущественно для «своего» этноса»¹¹⁴. Понятно, что и у большеви-

ков, и у национальных меньшинств была своя мотивация при создании первых национальных автономий и точно так же очевидно, что они отличались друг от друга.

Каждая сторона старалась использовать другую в своих интересах, и это было вполне естественно в условиях продолжающейся гражданской войны в России. К примеру, Заки Валидов в своих воспоминаниях так писал о дискуссии Владимира Ленина и Николая Бухарина по национальному вопросу, которая имела место 19 марта 1919 года, вскоре после перехода башкир на сторону большевиков: «В будущем нас, как узбекских мулл и финских капиталистов, они отбросят в сторону, а власть передадут в руки членов коммунистической партии, которых выпестуют со временем»¹⁵. Но в 1919 году большевики и национальные меньшинства, те же башкиры, были необходимы друг другу, поэтому это был во многом вынужденный шаг.

Собственно, и создание в 1919 году большевиками советской Казахской автономии, при всех вопросах, которые могли бы возникнуть к ней у представителей казахского политического движения из движения «Алаш», в этот исторический момент выглядело, как весьма позитивное событие. С одной стороны, для Казахской автономии были, собственно, необходимы казахи. Это открывало большие возможности для казахских политиков, в том числе в контексте реализации той идеи, которую высказала выше Татьяна Красовицкая, – сформировать хотя бы частично администрацию автономии.

С другой стороны, такая автономия, даже с руководством из числа русских большевиков, должна была беспокоиться о ее интересах, в том числе территориальных. Это была вполне понятная бюрократическая логика. Если тот или иной чиновник возглавляет ту или иную структуру, он напрямую заинтересован в том, чтобы ее вес в бюрократическом аппарате был достаточно значителен. К примеру, 6 сентября 1919 года Кирревком написал протест в Совнарком (Совет народных комиссаров) по поводу передачи Кустанайского уезда из Тургайской области в состав Челябинского района. Ахмет Байтурсынов при написании этого протеста выступил в роли эксперта¹⁶.

Днем ранее, 5 сентября 1919 года на совместном заседании Реввоенсовета 1-й армии с представителями Кирревкома при обсуждении вопроса о применении политики продразверстки на населенных казахами территориях Станислав Пестковский заявил, что «в Киргизстане нельзя практиковать принципов продовольственной политики Центра по сле-

дующим причинам: 1). Желание сохранить хорошие, дружеские отношения с киргизами. 2). Киргизы, как народ кочевой, могут всегда угнать свой скот в степи и таким образом уклониться от реквизиции»¹¹⁷. Ключевой тезис в данном случае это «желание сохранить хорошие, дружеские отношения» с казахским населением. С учетом того, что красные находились на границах с Казахской степью, для них было важно привлечь на свою сторону местное казахское население.

Однако в случае с созданием автономной Казахской республики проблема местных кадров для большевиков была особенно острой. Вопрос здесь заключался в том, что в отличие от башкир на сторону Советской власти в феврале 1919 года перешел фактически один Ахмет Байтурсынов, а не вся организация «Алаш-Орды». Соответственно, у большевиков был сравнительно небольшой выбор.

В их распоряжении были только несколько человек из образованных казахов, которые раньше, чем Байтурсынов, присоединились к большевикам. Это были Алиби Джангильдин, Мухамедьяр Тунганчин, Бахытжан Каратаев, некоторые другие. Из них Тунганчин и Каратаев относились к старой казахской политической элите, которая по разным причинам разошлась с «Алаш-Ордой». К этому моменту большевики также уже стали готовить новые казахские кадры, в частности, из их числа был сельский учитель Сейткали Мендешев из Оренбурга.

Но отношения между всеми ними были весьма напряженными. Весьма показательна в этой связи письмо главы Кирревкома Станислава Пестковского Владимиру Ленину 29 октября 1919 года. В письме он жаловался, что среди казахского состава ревкома существовали три конкурирующие группы, в одну входили Байтурсынов и Тунганчин, в другую – Джангильдин и Каратаев, в третью – Мендешев¹¹⁸. Но других казахских кадров в распоряжении Москвы, собственно, еще и не было, что резко ограничивало возможности для кадрового маневра.

В то же время центральное руководство большевиков все же придавало Казахской степи достаточно большое значение в связи с ее стратегическим расположением и значительными размерами занимаемой территории. Поэтому Москве была необходима администрация для управления ею, а для администрации были необходимы соответствующие кадры.

Хотя в самом начале своей деятельности Кирревком ничем особенно не управлял, но тем не менее даже в таком своем состоянии привлекал большое внимание центрального руководства большевиков. 30 октября 1919 года Элиава, Рудзутак, Куйбышев, Голощекин, Фрунзе отправи-

ли телеграмму Ленину: «Полная бездеятельность ревкома объясняется созданным внутри него положением. Единого ревкома не существует, есть русская и киргизская части ревкома, между собой враждующие и действующие в особицу»¹¹⁹. В данном случае для большевиков стоял вопрос об организации общего управления для казахского и русского населения, то есть о создании бюрократического органа управления, в который входили бы одновременно и русские, и казахи.

Этим ситуация отличалась от проходивших весной 1918 года переговоров большевиков с «Алаш-Ордой», на которых обсуждался вопрос выборов в новые Советы по пропорциональному принципу. Осенью 1919 года речь шла уже о назначаемом из центра бюрократическом аппарате в виде Кирревкома и принципах его формирования, о выборах уже не было речи. В этом контексте для большевиков не было проблемы в том, чтобы в системе управления на местном уровне существовали конкурирующие группировки. Для любой бюрократической вертикали это является возможностью маневрирования между разными локальными интересами.

Несколько сложнее для Москвы было то, что линия разделения проходила по национальному признаку. С одной стороны, это снижало эффективность управления, с другой – усложняло ситуацию с контролем местной бюрократии. В целом, Москве в такой ситуации необходимо было на постоянной основе самостоятельно вникать в местные противоречия, что лишало смысла существование отдельной местной бюрократии. Ну и, конечно, для большевиков с идеологической точки зрения все-таки имел значение интернационалистский подход к организации своей власти. Заметим, что даже в списке людей, подписавших упомянутое выше письмо Ленину от 30 октября, были грузин Элиава, латыш Рудзутак, русский Куйбышев, еврей Голощекин и молдаванин Фрунзе.

Для центрального руководства большевиков сложность заключалась в том, что создание Кирревкома было частью подготовки к установлению их власти над территорией всей Казахской степи со всеми имевшимися здесь сложными межобщинными отношениями и противоречиями, которые складывались здесь десятилетиями, если не столетиями. Соответственно, конфликты внутри Кирревкома являлись отражением данных противоречий.

Пока Кирревком был для большевиков, условно говоря, «проектным офисом», это не являлось большой проблемой. Но после того как ему придется заниматься управлением всей Казахской степи, Кирревком должен де-факто был стать управляющей структурой для очень большой

территории с многочисленным населением. Естественно, это требовало другого качества его организации. Если Кирревком должен был стать главным управляющим инструментом реализации власти Москвы в регионе, то как минимум следовало решить вопрос кадрового дефицита.

Кроме того, большевикам было важно также разобраться с тем, как новая Казахская автономия будет соотноситься с Советами, которые в 1918 году формировались почти исключительно из представителей местного русского населения. В определенном смысле для центральной власти большевиков в Москве было удобно, что часть Казахской степи находилась в составе Туркестанской губернии.

Соответственно, некоторое время центральные власти могли не брать во внимание местные Советы, в частности в Семиречье, которые всю гражданскую войну сражались здесь за власть большевиков против белых. Потому что власть Кирревкома не распространялась на Туркестан, теоретически она должна была охватывать только территории бывшего Степного края и некоторые прилегающие территории, вроде Букеевской Орды. В то же время на остальной части Казахской степи Советы при белых были разгромлены и должны были создаваться заново. Следовательно, их создание уже не было бы инициативой снизу, как это произошло весной 1918 года. Напротив, создание власти на местном уровне должно было теперь происходить под контролем и по распоряжению центральной власти со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В этом смысле Кирревком был представителем именно центральной власти из Москвы. С ее стороны это было практически политическим заявлением. Таким образом, большевики заявляли, что они создают единую систему управления в виде национальной республики для всей территории Казахской степи и всего проживавшего здесь населения. Поэтому все местные органы управления, включая заново созданные Советы, должны были стать составной частью этой национальной республики во главе с поляком Пестковским или любым другим уполномоченным представителем центрального большевистского руководства. Именно поэтому к Кирревкому было такое внимание осенью 1919 года со стороны центральной власти большевиков и местного военного руководства. Утверждение Кирревкома в качестве местной власти в Казахской степи происходило одновременно с продвижением красных войск, отсюда такая роль военных в политических процессах.

Но для легитимизации новой формы организации Советской власти в виде Кирревкома и новой автономии в Казахской степи необходимо

было провести соответствующее собрание представителей местного населения. Это было важное формальное условие. Очевидно, что в первую очередь очень важно было обеспечить представительность этого мероприятия, что было весьма непросто в ситуации, когда красные войска к поздней осени 1919 года еще не контролировали внушительную часть территории Казахской степи.

Ситуация для большевиков осложнялась тем, что политики из «Алаш-Орды» все еще сохраняли значительное влияние в традиционном казахском обществе. Соответственно, без их участия было бы весьма непросто организовать мероприятие, которое легализовало бы новую власть в Казахской степи в виде советской республики. По крайней мере, это потребовало бы много времени. Кроме того, у большевиков просто не было достаточного количества необходимых для такой большой республики образованных кадров.

К осени 1919 года бюрократизация аппарата управления уже стала частью управленческой практики большевиков. В этом смысле сложность ситуации для них в Казахской степи заключалась в том, что все относительно грамотные люди в казахском обществе принадлежали к числу алашордынцев. Следовательно, без них было очень сложно организовать работу управленческого аппарата. По крайней мере, до того момента, пока не будут подготовлены новые лояльные кадры из казахского населения.

Между прочим, если бы осенью 1919 года большевики пришли в Казахскую степь без Кирревкома и национально-территориальной советской Казахской республики, то такой потребности в казахских политиках у них бы просто не было. В таком случае местная власть перешла бы к вновь сформированным Советам, в которых преобладали бы представители русского населения, в основном из числа крестьян-переселенцев. То есть просто повторилась бы ситуация, которая имела место весной 1918 года. Однако такой вариант развития событий означал бы, что де-факто сохранилась бы прежняя система власти местного русского населения над местным казахским населением. Просто вместо казаков и правых сибирских политиков, как и при белых, власть осуществляли бы представители общины крестьян-переселенцев, как это было при большевиках до чехословацкого переворота в мае 1918 года.

Но такое решение в целом противоречило планам большевиков и их пониманию системы организации власти в государстве и связанной с этим идеологии. С организационной точки зрения Советы образца пер-

вой половины 1918 года были чересчур самостоятельны. В конце 1919 года это было уже неприемлемо для центральной власти большевиков в Москве. С позиции идеологии такие Советы означали внешний контроль над местным азиатским населением, в какой-то мере в прежнем колониальном стиле.

В то же время для большевиков был важен единый подход к управлению обществом. То есть централизованное управление всем обществом, включая все группы населения. В этом смысле им не нужны были слишком самостоятельные крестьянские общины. К тому же после организации множества восстаний против власти Колчака крестьянские общины были вооружены. Кроме всего прочего, они воевали также и за восстановление власти Советов образца весны 1918 года.

Для центральной власти большевиков это могло бы стать проблемой. Поэтому они и создали пусть формальную, но все-таки национальную Казахскую автономию. Хотя летом 1919 года у них по большому счету еще не было для этого никаких условий – ни территории, ни людей. Но такая автономия должна была стать основной формой организации власти в Казахской степи, в том числе и для русских крестьянских общин. В свою очередь территориальная Казахская автономия должна была управляться напрямую представителями Москвы, то есть априори носить формальный характер. В этом смысле центральная власть осуществляла управление одновременно и казахским обществом, и русскими крестьянскими общинами без какой-либо излишней самостоятельности представителей двух этих групп населения Казахской автономной республики.

Безусловно, самым простым способом решения проблемы территории и необходимых для Казахской автономии управленческих кадров было привлечение на сторону большевиков казахских политиков из «Алаш-Орды». Осенью 1919 года это было наиболее логичное решение. К тому же этому способствовали победы красных армий.

С учетом низкой популярности правой диктатуры Колчака среди представителей казахского политического движения его переход на сторону большевиков был наиболее оптимальным из возможных решений. Тем более что большевики провозгласили Казахскую республику, создали орган управления ею и включили в ее состав таких известных людей, как Ахмет Байтурсынов. Никаких оснований продолжать поддерживать Колчака, тем более в безнадежной для него военно-политической обстановке, у казахских политиков не было. Современный российский историк Шулдяков очень образно и весьма емко оценил ситуацию на конец